
с цитрусовым фруктом, родственником мандарина, который произрастает только в тюркоговорящих странах»²²⁰.

Далее автор останавливается на сакральных глутто-нических презентемах, связанных с особенностями «постного стола» в месяц Рамадан, говорит о ритуальных презентемах, практикующихся во время застолья и др.

Статья А.В. Олянича, таким образом, раскрывает особенности семиотического подхода к дискурсу травелога посредством выявления и демонстрации знаковых систем гастрономического дискурса тюркоязычного города. Методологический подход, продемонстрированный автором статьи, можно считать базисным для формирования семиотического взгляда на разнообразные формы презентационных дискурсов, которые можно обнаружить в репрезентациях любого травелога.

2.3. Перформативный аспект дискурса травелога

Одним из методологических поворотов современного гуманитарного знания является перформативный поворот, акцентирующий внимание исследователей на перформативных актах, характеристиках коммуникативного действия, на способах репрезентации культурных практик, социальных притязаний, идентичностей, на технологиях презентации, позиционирования, имиджевого конструирования и брендинга того или иного объекта или субъекта. Все это выступает предметной областью изучения современных performance studies²²¹.

Понятие перформативности имеет собственную историю становления в гуманитарном знании: Ж. Деррида говорил о перформативной силе письма, Дж. Остин сформулировал концепцию перформативных высказываний²²², Дж. Батлер разработала перформативную теорию гендера, в которой

²²⁰ Там же.

²²¹ Доманска Эва. Перформативный поворот в современном гуманитарном знании // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки / ответ. ред. М.А. Кукарцева. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 226–235.

²²² Остин Д. Три способа пролить чернила: Философские работы / пер. с англ. В. Кирющенко; М. Колопотина. СПб.: Изд-во «Алетейя»; Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2006. 335 с. С. 262–281.

перформанс рассматривается в качестве многократно повторяемого ритуала, совершаемого под воздействием силы табу²²³. Кроме того, перформанс-исследования своими корнями уходят в работы М. Бахтина о феномене карнавальной культуры²²⁴, в анализ общества спектакля Ги Дебора²²⁵, в изучение ритуалов В. Тёрнера²²⁶. Определенный вклад в разработку перформативного концепта (в контексте теории символического капитала) внес П. Бурдьё, который ввел в научный оборот такое сценарное понятие как «габитус» (принцип регулируемой импровизации) в качестве реакции на структуралистское понятие о культуре как системе правил²²⁷.

В настоящее время масштаб исследований включает в себя изучение самых разнообразных перформансов, к которым относятся медиа-перформансы, педагогические перформансы, театрализованные политические шоу, спортивные шоу, маркетинговые презентации, а также хирургические операции и террористические акты. Базовой установкой перформанс-исследований выступает постулат о том, что перформанс есть ключевой аспект человеческого существования и процесса выстраивания социокультурных коммуникаций, он является топосом социальной трансгрессии. Ряд исследователей говорят о перформативном повороте как о новой парадигме, как о знаке вхождения в новую эпоху, в которой предмет, знак и вещь сливаются воедино. Специалист в области сравнительной теории социально-гуманитарного знания Эва Доманска, говоря о новой парадигме, отмечает: «Можно выделить следующие характеристики перформативного поворота: фокус на действии и изменениях в реальности; экс-

²²³ Батлер Джудит. Психика власти: теории субъекции / пер. Завена Баблюяна. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002. 168 с. С. 121–122.

²²⁴ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.

²²⁵ Дебор Ги. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертас и М. Якубович; ред. Б. Скуратов; послесловие А. Кефал. М.: Издательство «Логос», 2000. 174 с.

²²⁶ Тёрнер В. Символ и ритуал / составитель и автор предисл. В. А. Буйлин. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. 277 с.

²²⁷ Бурдьё П. Структура, Габитус, Практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том I, № 2. С. 44–59.

траполирование концепта действия нечеловеческие формы жизни (постгуманизм перформативной идиомы); меж- или антидисциплинарные исследования; отказ от метафоры мира как текста и апелляция к метафоре мира как множеству перформативных действий и перформанса, в котором кто-то или что-то участвует»²²⁸.

На наш взгляд, данный поворот следует рассматривать как переход от оптики текстовых интерпретаций к оптике репрезентаций. При этом постмодернистская теория дискурса оказывается весьма органично вплетенной в репрезентативный акцент перформанс-исследований, поскольку рассматривает дискурс в качестве коммуникативной интеракции и символической практики конструирования идентичности²²⁹. В перформанс-исследованиях как и в постмодернистских дискурс-исследованиях субъект выступает в роли деятельного начала, он находится в постоянном взаимодействии с другими акторами (по терминологии Ю. Кристевой «субъект-в-процессе»²³⁰). Постмодернизм неоднороден, он не сводится к эпистемологии текста и к утрате субъекта. В концептуальном арсенале постмодернизма обнаруживаются идеи формирования интерсубъектности (Дж. Батлер²³¹) и дискурсивного конструирования символической реальности и власти (П. Бурдьё²³²). Кроме того, именно в рамках

²²⁸ Доманска Эва. Перформативный поворот в современном гуманитарном знании // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки / ответ. ред. М.А. Кукарцева. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 230.

²²⁹ Русакова О.Ф. Перформативный поворот в современных гуманитарных исследованиях // Гуманитарная академическая наука Урала: приоритеты и перспективы исследовательского поиска: материалы Всероссийской научной конференции. 17–18 июня 2013 г. Екатеринбург: АМБ : РАН : УрО РАН : ИИиА : ИФиП, 2013. С. 66–74.

²³⁰ Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с фр. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 656 с. С. 68–83.

²³¹ Батлер Джудит. Психика власти: теория субъекции / пер. Зевена Баблюяна. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002. С. 92–111.

²³² Бурдьё П. Рынок символической продукции / пер. с фр. Е.Д. Вознесенской // Вопросы социологии. 1993. № 1/2. С. 49–63; Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской

постмодернистской парадигмы получили свое развитие концепции соблазна Ж. Бодрийяра²³³ и обольщения Ж. Липовецки²³⁴, которые раскрыли механизмы аттрактивности перформанса как символической коммуникации.

В современной культурологии перформативный поворот проявляет себя, прежде всего, в трёх формах: 1) в виде усиленного внимания к изучению ритуальных перформансов (жертвоприношение, погребальный акт, коронация, присяга и т.д.); 2) в форме исследований символики проведения публичных празднеств (государственных, религиозных, народных) и юбилейных торжеств; 3) в виде практической реконструкции и репрезентации образа жизни, знаковых событий и культуры прошлых эпох. По поводу первых двух форм известный историк культуры Питер Бёрк пишет следующее: «Публичные празднества, очевидно, лучше поддавались анализу с точки зрения перформанса, и их действительно так анализировали, как в случае с коронацией королевы Елизаветы Второй, интерпретированной как «перформанс консенсуса», или с народными праздниками в Венесуэле, рассматривавшимися как националистические перформансы»²³⁵.

Дискурс травелога несет в себе *перформативное* начало, поскольку выступает формой репрезентации способов (или инструментов) осуществления путешествий. Архаические способы путешествия (пешком, на мулах, на оленях, на лошадях, на собаках) сначала сменяют путешествия на водных судах и на железнодорожном транспорте, позднее возникают автомобили и самолёты, а во второй половине XX-го столетия появляются космические корабли, которые открывают возможность космических путешествий.

Дискурс путешествия, рассматриваемый с перформативной точки зрения, наглядно демонстрирует масштабность

Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетей, 2001. С. 125–126.

²³³ Бодрийяр Ж. Соблазн / пер. с фр. А. Гораджи. М.: Из-во Ad Marginem, 2000. С. 36, 96, 99.

²³⁴ Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / пер. с фр. В.В. Кузнецова. СПб.: Владимир Даль, 2001. С. 31–45.

²³⁵ Бёрк П. Что такое культуральная история? [Текст] / пер. с англ. И. Полонской; под науч. ред. А. Лазарева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 145.

исторической эволюции средств передвижения и значительный рост технической оснащенности путешествия: от парусника и повозки, запряженной лошадьми, до тривиального обращения в турфирму с целью бронирования места (в автобусе, вагоне поезда, на корабле или в самолете), номера в отеле, часто расположенного на другом континенте, с оплатой всех туристических услуг посредством банковской карты.

Дискурс травелога обогащает человека не только новыми способами перемещения в пространстве-времени (объективном и субъективном), но и новыми способами существования, вплоть до способов смысловизированного ориентирования. К примеру, повальное увлечение многих просвещенных людей Востоком в XIX в., восточным образом жизни, восточными духовными ритуалами способствовали формированию многомерного видения мира и человека, обогатили существующие культурные практики новыми видами перформанса. Развитие в XX в. глобальных коммуникаций, усиливших интенсивность взаимодействия с чужими культурами, встраивания в чужие цивилизационные структуры со всеми их диковинными институтами, нормами и ценностями, технологиями существования, «практиками себя», привели к появлению такого дискурса травелога, который характерен для «гражданина мира», открытого к восприятию действительности как единой и целостной системы.

Однако сводить перформативный аспект дискурса травелога только к самим практическим формам межкультурной коммуникации было бы неверно. Дело в том, что перформативный аспект дискурса травелога предполагает реализацию заложенного внутри него наставительно-инструктивного начала, направленного на передачу важной информации о том, как следует проникать в неведомое, какие здесь накопленные знания и формы опыта могли бы помочь. Речь в данном случае идет о лингвопрагматической функции перформативного дискурса травелога, которая связана с переориентацией исследований языка с изучения его структур на изучение его функционирования.

В развитие лингвопрагматики значительный вклад внесли работы Дж. Остина по теории речевых актов²³⁶.

²³⁶ Остин Дж. Как производить действия при помощи слов / пер. В.П. Руднева; Смысл и сенсibiliи / пер. Л.В. Макеевой // Избранное. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 332 с.

Дж. Остин предложил разграничивать два типа высказываний – перформативные и констативные. Если констативные высказывания или «констативы» лишь описывают, изображают окружающую действительность, т.е. сообщают что-то о ней, то «перформативы» производят речевые поступки, имеющие определенные результативные следствия как для говорящего, так и для слушающего, другими словами – осуществляют какие-то действия; само произнесение данных высказываний является осуществлением некоторого акта.

Вопрос о соотношении перформативных и констативных высказываний привел к появлению, как минимум, двух позиций: одна настаивала на строгой дихотомии констативов и перформативов, а другая – на относительности их различия, поскольку они всегда погружены в речевой акт, направленный на то, чтобы посредством речи вызвать необходимое действие (в противном случае речь оказывается бесцельным «сотрясанием воздуха»). Поэтому слоган «Слово как действие» требует уточнения: о каком действии идет речь? К высказываниям перформативного типа, как подчеркивал Д. Остин, неприменим критерий истинно/ложно, но применим критерий успешно/неуспешно, поскольку перформативный дискурсивный акт означает для него «оперативный». Соответственно, в речевых актах следовало различать «локутивные» (описывающие, констатирующие) и «иллокутивные» компоненты, подразумевающие действия, отличные от собственно самого речевого действия (акта говорения).

В дальнейшем произошло неизбежное различие так называемого «сильного перформатива», произнесение которого непосредственно влекло социальные, юридические и иные действия, акты, и «слабого перформатива». Акцент смещался на изучение коммуникативной ситуации: что происходит/не происходит в процессе говорения, произнесения высказываний.

Для целей нашего исследования важно то, что употребление перформативов подразумевало изменение или способ мышления, рассуждения («ментальный перформатив») или социальной среды путем совершения поступка, за которым наступала та или иная ответственность (юридическая, моральная, политическая и т.п.). В этой связи выделим следующие виды перформативных сообщений: признание, обещание, просьба, предложения, советы, предупреждение, требование, запрет, разрешение, согласие, возражение, одобрение,

осуждение, прощение, речевые ритуалы, социальные акты передачи сообщений, отмена, отказ, назначение, нарекание.

В литературе делаются попытки сформулировать наиболее важные признаки перформатива: характерной формой для них выступают побудительные предложения (просьбы, приказы). Кроме того, хорошо известно, что перформативность высказывания создается не только наличием или отсутствием перформативного глагола, но и рядом других средств, например таких, как ударение, интонация, коннотация, жесты, мимика, контекстуальность.

Исследователь Ю.Д. Апресян выделяет признаки перформативных глаголов на основе анализа семантических и грамматических характеристик перформативов: «...перформативным является всякий глагол речи, лексическое значение которого удовлетворяет двум условиям:

1) не содержит компонентов, противоречащих сущности перформативного употребления или делающих такое употребление абсурдным;

2) содержит семантические компоненты, оправдывающие затрату усилий, связанную с введением в высказывание перформативной формулы.

Глаголы речи, лексико-семантическая структура которых не удовлетворяет ни одному из указанных условий, являются принципиально неперформативными глаголами»²³⁷.

Исследование дискурса травелога с позиции перформативного подхода позволяет выделить в отдельную жанровую группу его наставительные практики. К ним можно отнести, во-первых, самые древние продукты устного народного творчества – сказания, которые, в принципе, и были дискурсом-предписанием каждому члену племени относительно того, как следует воспринимать устройство мира, задавали универсальные надвременные схематизмы поведения. Во-вторых, – это огромный корпус текстов травелога в жанре путеводителей, карт-схем, лоций, инструкций экстренного покидания в случае ЧП и т. п., которые предполагают неукоснительное исполнение связки «слово-дело», за соблюдение чего предусмотрены разнообразные санкции (юридические, экономические, политические и т. п.). В данных жанрах травелога их дискурс выступает не только настоящим перфор-

²³⁷ Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 45. № 3. 1986. С. 28–36.

мативом, но и требуют реализации перформанса как определенной практики.

В-третьих, отметим достаточно обширный корпус текстов травелога в жанре методических советов, самоучителей, инструкций по обучению, руководств по выработке и принятию решений. Он также текстуально насквозь перформативен: обучаемый-инструктируемый выступает Путником, делающим первые шаги по неведомым странам (Так их авторы часто и называют свои пособия, стремясь достичь максимального воздействия: «Страна Философия», «Приключения в мире (далее – на выбор: электронов, атомов и молекул, растений и животных, чисел и букв и т. п.)). При этом очевидно тяготение этих предписаний к целому представлению, где важны и сценарий, и состав участников, и интрига, и «контрапункт», в котором должно свершиться правильное разрешение всех конфликтов.

Отвлекаясь от споров о культурных достоинствах перформанса как явления, сосредоточим внимание на некоторых, если можно так выразиться, «технологических» сторонах. Действительно, перформанс есть, во-первых, действие (мика, жест, речь), самого рассказчика-информатора; во-вторых, как представление или репрезентация – это наррация, повествование, создание определенного образа в восприятии адресата; другими словами, это – сценарно-постановочное действие, заранее спланированное и «срежиссированное»; в-третьих, хотя сам перформативный дискурс не вовлекает адресата непосредственно в само практическое действие, он предоставляет ему возможность переживать степень действенности создаваемого образа, фактически, задавая и даже предписывая способ восприятия сказанного и представленного.

При этом важно помнить: перформативный дискурс обязательно оценивается успешностью произведенного действия, достижением поставленной цели. В случае, когда актором травелога выступает Гость, его первой обязанностью является рассказ, повествование о Пути (цели, препятствия, приключения, сведения о городах и странах и людях). Так, в пушкинской сказке о царе Салтане в подражание традиции устного народного сказительства троекратно повторяется сцена приема царем заморских гостей с обязательным предложением поведать о том, что «за морем житье – не худо, в свете ж вот какое чудо...». Гость (Путник, Сказитель) обя-

зан угодить хозяину максимально интересным рассказом об увиденном, услышанном и т.п. Поскольку Гость-Путник в своих странствиях сталкиваются с Неведомым, возникает естественная трудность передать это непонятное явление всеми доступными средствами – вербальными (речь) и невербальными (мимика, жест, интонация).

Перед рассказчиком встает проблема нахождения понятного для слушателей языка, чтобы доступно описать явления чудесного и невиданного, которое он встретил на своём Пути: иноземцы едят не ту пищу, не таким способом, не в то время, не в том месте; вступают в «противоестественные» отношения друг с другом, молятся не тем богам, ведут неправильный, «противоестественный» образ жизни. Гость-Путник должен изобразить и представить все сказанное максимально наглядным, действенным образом.

Со временем перформативный дискурс травелога модифицируется, сообразно новым, наработанным средствам передачи информации о координатах важных объектов в виде, карт, лоций, схем движения, путеводителей, о границах и прочих ограничениях (пункты пограничного и таможенного контроля, запретные зоны), о трассах сплавов по рекам, проходах по тропам через перевалы и т.п. Прочерченные, установленные и закрепленные (предписанные) маршруты движения обладают властно-распорядительным характером, поскольку ограничивают возможные отклонения в пространстве и времени, в характере передвижения и т.п. Таким образом описание маршрута (повествование о Пути) приобретает характер четко заданного сценария будущего Спектакля-Отчета о путешествии.

Отдельно необходимо сказать о травелоге в форме отчетов научных экспедиций, в которых перформативный аспект становится обязательной частью достоверности повествования. Для достижения максимального эффекта достоверности используются все потенциальные возможности перформанса: макеты, чучела, гербарии, зарисовки, фото-, кино-, аудио-, видеосъемка, коллекции образцов горных пород и изделий народных промыслов и т.п. Отчеты об экспедициях выдающихся ученых-первооткрывателей (Т. Кук, Ч. Дарвин, Н. Миклухо-Маклай, Н. Пржевальский, П. Семенов-Тянь-Шанский, В. Обручев, И. Ефремов и др.), дополненные путевыми записками, дневниками, документальными произведениями, соединяют в себе достоинства «живых картин»,

спектакля, зрелища, представления, обладающих мощным воздействием на их адресат.

В общем и целом перформативные свойства дискурса научного травелога, например, представленного в форме методического пособия или самоучителя, давно и хорошо известны. На использовании этих свойств основывается перспектива повышения усвояемости учениками и студентами теоретического и учебного материала. Огромную перформативную роль в учебном процессе выполняет педагогическое мастерство преподавателя, который «пропускает» учебный материал «через себя», дополняет его изложение своей мимикой, интонацией, жестами, использованием наглядных пособий (чертежи, схемы, таблицы, диаграммы, макеты, действующие модели и т. п.), то есть, зрелищно обставляет свой педагогический спектакль, призванный убедительно продемонстрировать процесс движения мысли, раскрыть пути познания.

Перформативный аспект дискурса «путеводной» литературы, выступающей «учебником жизни», наиболее полно и синтетически выражается посредством своего воспитательного воздействия на читателя. Ее позитивные герои выступают образцами поведения, задают смысложизненные ориентации, объясняют, «делать жизнь с кого».

Видовое разнообразие перформативных дискурсов травелога в значительной степени обусловлено многообразием коммуникативных событий, из которых состоят путешествия. Одним из видов такого рода перформативных дискурсивных практик выступает дискурс автомобильного путешествия.

Рассмотрим далее алгоритм репрезентации перформативного дискурса автомобильного путешествия, взятого в качестве целостного коммуникативного события. Теоретической основой для такого рода анализа для нас является работа Т.Н. Некрасовой и А.В. Олянич, посвященная лингвосемиотике автомобильного путешествия, в которой дана двуаспектная модель дискурса травелога, соединяющая семиотический и перформативный подходы²³⁸.

Если в краткой форме воспроизвести структуру автомобильного путешествия, которая предлагается авторами дан-

²³⁸ Лингвосемиотика автомобильного путешествия: монография / Т.Н. Некрасова, А.В. Олянич. Волгоград: ФГБОУ ВПО Волгоградский ГАУ, 2013. 160 с.

ной работы, то она будет выглядеть приблизительно таким образом: 1) участники автомобильного путешествия (субъекты), «среди которых – водители, пассажиры, пешеходы, регуляторы движения, работники дорожных служб»²³⁹; 2) автодорожная магистраль, которая для России является зоной риска для жизни, социальных коллизий и конфликтов как с властью в лице дорожной полиции, так и между самими участниками дорожного движения²⁴⁰; 3) знаковая система регулирования движения, включающая специализированные дорожные знаки и топографические знаки – наименования населенных пунктов, обозначения границ территорий с использованием пограничных стел («Ставропольский край», «Республика Алтай», «Волгоградская область» и т.п.), топографонимы, указывающие на религиозную специфику территории, по которой проходит маршрут путешествия (приверженность население территории православной вере обозначена православным крестом; национальный символ Калмыкии – лотос – можно увидеть на границе Волгоградской области и Калмыкии и т.п.)²⁴¹; 4) институциональные регуляторы дорожного движения: дорожная полиция, сотрудники ГИБДД, работники сферы услуг для обеспечения технической безопасности движущегося средства, – пункты автосервиса, шиномонтажа, бензозаправок; пункты питания, торговли, обеспечения комфортного ночлега, служащие медпунктов; работники ремонтных дорожных служб²⁴²; 5) зона профессионального дискурса автомобилистов, которая поддерживается текстами четырёх типов речевых жанров: жанр «техническая характеристика» (техническое описание); жанр «инструкция» (совет); жанр «комментарии к увиденному»; жанр «журналистское (рекламное) ревью»²⁴³; 6) ритуальные дискурсы, призванные посредством обрядовых действий предотвращать опасности, которые могут грозить водителю и пассажирам большими неприятностями²⁴⁴; 7) коммуникативные интеракции между участниками автомобильного путешествия, включающие использование всех видов про-

²³⁹ Там же. С. 105.

²⁴⁰ Там же.

²⁴¹ Там же. С. 27–28.

²⁴² Там же. С. 129.

²⁴³ Там же. С. 130.

²⁴⁴ Там же. С. 59–63.

фессионального перформативного дискурса, а также – применение неформального («карнавального») перформативный дискурса²⁴⁵.

В работе авторы подробно останавливаются на особенностях перформативных дискурсов, выступающих в роли институциональных регуляторов автомобильного путешествия. Отметим, в частности, высокий профессионализм проведения семиотического анализа пунктов общественного питания, чьи названия (знаки-прагматонимы) обусловлены прагматическими соображениями их авторов, а потому могут быть отнесены к разряду перформативных дискурсов. «Знак-прагматоним рассматриваемой сферы, – отмечают авторы, эксплуатируется его создателем для достижения ряда прагматических целей, при этом структура знака и заложенные в него номинативные свойства используются по-разному. Придорожное заведение питания – это бизнес, соответственно, основная цель его хозяина – извлечение прибыли. Прибыль нельзя получить без привлечения клиентов, поэтому следующей целью владельца заведения является стремление сделать своё предприятие максимально привлекательным для путешественников, а в идеале – обеспечить его постоянными посетителями. Наконец, третья цель – выиграть «битву за бизнес-территорию» или выстоять в борьбе с конкурентами, которых у каждой точки питания на трассе немало...»²⁴⁶.

Названные авторами цели детерминируют креативность товарного знака придорожного заведения общественного питания, придают коммуникативно-аттрактивный характер его вывеске. Схожими свойствами обладают рекламные вывески придорожных рекреативных центров, призванных обеспечить отдых и поддержать здоровье путешественников. К примеру, подъезжая к г. Белгороду можно увидеть следующее рекламное объявление, размещенное на билборде большого размера: «Путник, подумай: не пора ли тебе сбавить скорость? Остановись и отдохни у нас! К твоим услугам:

- современные номера (кондиционер, ванна, душ, туалет),
- бильярд, пинг-понг, шашки, шахматы, нарды,
- игровой уголок для детей,
- парикмахерская для дам и их кавалеров,

²⁴⁵ Там же. С. 104–114.

²⁴⁶ Там же. С. 37.

-
- бесплатный массаж плеч за 15 минут, ...
 - непревзойденные блюда азербайджанской кухни,
 - настоящий турецкий кофе,
 - шикарная стоянка для твоего авто!

Путник, остановись и подумай: стоит ли спешить дальше?»²⁴⁷.

Приведенный текст рекламного объявления свидетельствует о прямом намерении владельцев придорожного места рекреации (скорее всего, небольшого отеля) оказать дискурсивное воздействие на участников автомобильного травелога, с целью побудить их посетить данное заведение. Само объявление выступает ярким примером перформативного дискурса, функционирующего внутри знаковой системы автомобильного травелога.

К сожалению, авторы работы ограничили свой лингвосомиотический анализ травелога исключительно изучением внутридорожных перформативных дискурсов, не выходя во внешнюю сферу – в область перформативных дискурсов, связанных с обзором достопримечательностей и встреч с людьми, проживающих на обследуемых территориях.

Отметим, что «внешние» перформативные дискурсы автомобильного травелога, бесспорно, широко присутствуют в видеофильмах об автомобильных путешествиях, в которых главной целью выступает составление визуально отчета об образе жизни людей в других странах. Ярким тому примером служат автомобильные травелоги В. Познера и И. Урганта по Северной Америке, Франции и Италии. В них буквально все сюжеты выступают манифестациями дискурсов перформативного характера. Однако для их подробного анализа потребуется отдельное исследование, которому мы собираемся посвятить наши последующие работы.

2.4. Кратологический и аксиологический аспекты дискурса травелога

Говоря о кратологическом аспекте дискурса травелога, мы очевидным образом намекаем, что он связан с некой *властью* или обладает таковой²⁴⁸. Понимая власть в общефи-

²⁴⁷ Там же. С. 46.

²⁴⁸ Русакова О.Ф., Спасский А.Е. Дискурс как властный ресурс // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный